

Ань Ци остановился в зоне отдыха. Сняв со спины рюкзак, он достал документ.

— Господин Линь, это соглашение о расторжении контракта, которое мне передала секретарь Чэнь. Я уже подписал его, — он положил тонкую папку на стол и, помедлив, добавил: — Я обязательно выплачу неустойку, но... но мне может потребоваться время. Надеюсь, вы позволите мне вносить платежи ежемесячно.

Линь Суе уже просматривал этот черновик, когда Чэнь Ли только подготовила его. Он взял ручку и размашисто поставил свою подпись.

[Поздравляем Носителя! Прогресс выполнения задания увеличился на 5%. Текущий общий прогресс: 60%.] — вовремя прозвучал электронный голос 996.

Его рука на мгновение дрогнула, и последняя черта в имени расплылась едва заметным чернильным пятном.

На сердце у Ань Ци было горько. Навещая мать, он заметил на прикроватной тумбочке букет завядших лилий. Мама сказала, что это он принес их недавно, поэтому она не хотела их выбрасывать. Но Ань Ци знал лучше других: он этих цветов не покупал.

В горле застрял тяжелый ком. С трудом сдерживая дрожь в голосе, он произнес:

— Господин Линь... Простите меня.

Линь Суе пришел в себя и одарил его холодным, безучастным взглядом, ничего не ответив.

Ань Ци, словно не в силах больше сдерживать плотину внутри себя, разом выплеснул всё, что копилось в душе:

— Простите... Я не должен был с самого начала, едва мы подписали соглашение, мерить вас своей меркой и подозревать в дурных намерениях. Не должен был самонадеянно считать, будто я вам интересен. И уж тем более я не имел права пытаться причинить вам вред из-за своей уязвленной гордости, когда узнал всю правду.

Он низко склонил голову, почти сгибаясь пополам.

— Простите меня, — он глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь. — И больше всего... больше всего я виноват в том, что, зная о подлости Хо Хэна, всё равно согласился помочь ему оклеветать вас в сети.

Те, кто общался с Линь Суе, называли его человеком мягким и доброжелательным. Но он никогда не был излишне великодушен к тем, кто его предал. Слушая покаяние Ань Ци, он лишь почувствовал горькую иронию и не сдержал короткого смешка.

— Действительно, не стоило.

Ань Ци стоял, сгорбившись; его плечи мелко дрожали, а пальцы впились в джинсы так сильно, словно хотели разорвать ткань. Линь Суе остался равнодушен к этому виду побитой собаки.

— Соглашение расторгнуто. С этого момента ты больше не имеешь отношения к «Линь Юй», — медленно произнес он. — В то же время я позабочусь о том, чтобы все дороги в шоу-бизнесе были для тебя закрыты. Есть возражения?

— Нет.

Это была цена, которую он обязан был заплатить за свои ошибки.

— Неустойка должна быть выплачена в течение года. Есть вопросы?

Сумма была огромной. Выплатить её за двенадцать месяцев означало работать без сна и отдыха, не смыкая глаз ни на минуту.

— ...Нет.

— Как только расплатишься — уезжай. Чтобы ноги твоей в городе Юнь больше не было.

Ань Ци шевельнулся и хрипло ответил:

— Хорошо.

Линь Суе отвел взгляд, собираясь уйти, но на пороге остановился, вспомнив кое-что важное:

— Я продолжу оплачивать счета твоей матери за лечение. Но знай: я делаю это не ради тебя.

Слезы брызнули из глаз Ань Ци, разбиваясь о пол безмолвным стоном раскаяния и стыда. Отныне каждый день, глядя в лицо матери, он будет погружен в бесконечную пытку совести — тайную муку, о которой не сможет поведать ни одной живой душе.

— Я... Простите... И спасибо вам.

***

Обратный путь Линь Суе проделал легким, пружинистым шагом. Тяжелые оковы, давившие на него, словно рассыпались в прах и исчезли.

996, глядя на него, почувствовал радость, смешанную с легкой грустью.

[Хозяин...]

«М-м?» — Линь Суе замер, внезапно осознав кое-что. — «Сяо Цзю, ты ведь скоро уйдешь, верно?»

[Я уйду, — отозвался 996. — Но не сейчас.]

«Я хочу увидеть, что ты счастлив, и только тогда уйду», — добавило оно про себя.

В оригинальном сюжете главный герой-гун после разрыва соглашения формально воссоединился с героем-шоу, но 996 не видело в нем ни капли счастья. Он появлялся только тогда, когда был нужен партнеру, а его собственная жизнь оставалась скрытой от всех. Система не могла понять, был ли он по-настоящему доволен. Казалось, всё его существование сводилось к тому, чтобы обеспечивать счастье другому, оправдывая титул «несравненного гуна». А как же он сам?

996 не знало ответа. Оно не могло оставить Линь Суе просто так, пока своими глазами не убедится в его благополучии. Системе было плевать, соответствует ли он определению «идеального гуна». Оно лишь хотело, чтобы Носителя любили — каждый день, искренне и преданно.

Услышав ответ, Линь Суе успокоился. Он и сам еще не был готов прощаться с этим золотистым светящимся комочком.

Когда он вернулся, Шэнь Хуэйцы всё еще ждал на том же месте. Он не сдвинулся ни на дюйм, словно вкопанный, и, завидев Линь Суе, тут же бросился навстречу.

— Ну как? Что он сказал? Что сделал? Не обижал тебя?

Линь Суе жестом велел ему остановиться:

— Учитель Шэнь, что это за розовые очки? Неужели вы думаете, что он способен мне что-то сделать?

Шэнь Хуэйцы облегченно выдохнул и притянул его к себе, уткнувшись лицом в изгиб шеи.

— Я волновался за тебя, — глухо пробормотал он.

«Молодой директор Линь» подумал было, что этот человек слишком уж быстро привыкает распускать руки, но отталкивать его не стал — лишь несильно похлопал по спине.

— Всё в порядке. Я просто расторг этот злосчастный контракт.

— О-о, — Шэнь Хуэйцы потерся носом о его шею и, помедлив, поднял голову. — А насчет того...
— прошептал он.

Линь Суе прекрасно понимал, к чему он клонит, но решил прикинуться дурачком.

— Насчет чего?

— Награда... — его голос стал совсем тихим. — Она в силе?

Он крепко сжимал Линь Суе в объятиях; его тело начало заметно лихорадить. Линь Суе отклонился назад, ощущая исходящий от него жар.

— Хочешь поцеловать меня?

Шэнь Хуэйцы кивнул и снова подался вперед. Линь Суе рассмеялся — так, что его веки тронул легкий румянец.

— Я не давал согласия.

— Ты...

Шэнь Хуэйцы на мгновение задумался и понял: Линь Суе действительно никогда прямо не соглашался. Он лишь сказал: «Можешь попробовать».

— Сяо Е... — Шэнь Хуэйцы едва не заскрежетал зубами. Глядя на человека перед собой, он чувствовал дикое желание укусить его и буквально поглотить. — Хватит меня мучить... Сяо Е...
— Его глаза подернулись влагой, а вид стал донельзя обиженным: — Сяо Е, ну так же нельзя...

Его «жалобы» еще не закончились, когда он внезапно ощутил мимолетное, легкое как пух прикосновение. Теплые влажные губы коснулись его собственных и тут же исчезли.

В голове словно что-то взорвалось. Как только он осознал, что произошло, по всему телу пробежал электрический разряд, отозвавшись в душе сладкой, томительной дрожью.

Это был поцелуй. Поцелуй, который Линь Суе подарил ему сам.

От притворного смирения не осталось и следа. На предплечье Шэнь Хуэйцы вздулись вены, он стальным кольцом обхватил тонкую талию партнера, а другой рукой властно зафиксировал его затылок, устремляясь навстречу.

Он жадно приник к долгожданным губам, кончиком языка осторожно, пробуя на вкус, коснулся их линии, и, почувствовав покорность Линь Суе, без колебаний ворвался внутрь. Незнакомое блаженство волной прокатилось по позвоночнику. Он целовал неистово, сокрушительно, с той неистовой страстью, что совершенно не вязалась с его недавним кротким образом.

У Линь Суе занемел язык, ресницы беспорядочно трепетали, а дыхание было полностью похищено другим. Не выдержав столь яростного натиска, он попытался оттолкнуть Шэнь Хуэйцы за плечи и, нахмурившись, отклониться.

Но на каждый его дюйм отступления Шэнь Хуэйцы отвечал футом наступления. Его отпустили лишь тогда, когда в груди не осталось воздуха даже для самого короткого вздоха.

Шэнь Хуэйцы нежно провел большим пальцем по его губам, припухшим и покрасневшим от поцелуя, и прижался своим лбом к его.

— Сяо Е, малыш мой, — прохрипел он сорванным голосом. — Люблю тебя.

Линь Суе, с алыми губами и порозовевшими уголками глаз, тихо выдохнул:

— Мерзавец.

— Хм-м, — грудная клетка Шэнь Хуэйцы завибрировала от низкого смеха. Он снова приник к его рту, вкрадчиво шепча прямо в губы: — Твой мерзавец.

Линь Суе слегка прикусил его нижнюю губу:

— Совсем обнаглел.

Шэнь Хуэйцы поморщился от боли, но лишь крепче прижал его к себе, успокаивающе поглаживая по спине.

— Виноват.

«И в следующий раз сделаю так же», — промелькнуло в его голове.

Линь Суе не стал спорить; он уже достаточно изучил нрав этого человека и понимал: «признаю вину, но не исправлюсь» — это его девиз. Он положил подбородок ему на плечо и прикрыл глаза.

— Отвези меня домой.

— Слушаюсь.

***

Яркий след на губах не собирался исчезать так быстро, поэтому Линь Суе, разумеется, не захотел возвращаться в компанию в таком виде. Виновник торжества с готовностью доставил его до самого порога дома, но уходить наотрез отказался.

Увидев Цзян Вэйчжи, который открыл им дверь, Линь Суе зажмурился. Уж лучше бы он поехал в офис.

Дизайнер Цзян пристально посмотрел на его губы, а затем перевел многозначительный взгляд на Шэнь Хуэйцы.

— А-Е, кто это тебя так покусал? Видно, тварь была на редкость ядовитая.

— Э-э... да, — Линь Суе уставился в потолок, изучая люстру.

Дизайнер не стал развивать тему и лишь насмешливо прищурился:

— Кстати, мы вернулись вместе с братом Цзюнем.

— ...

— ...Почему вы не предупредили?

Цзян Вэйчжи ответил:

— Боялись, что ты будешь волноваться.

Как только авиасообщение с городом Юнь восстановилось, они без промедления сорвались назад. Глядя на Линь Суе, Цзян Вэйчжи окончательно успокоился — тот выглядел прекрасно... если не считать одной маленькой «травмы». В нем проснулось редкое желание понаблюдать за развитием событий, и он подмигнул:

— Брат Цзюнь ждет тебя в гостиной.

Линь Суе с бесстрастным лицом подтолкнул Шэнь Хуэйцы к выходу:

— Уходи. Мне пора домой.

Но «учитель Шэнь» заявил с невозмутимым видом:

— Ну уж нет. Я останусь с тобой.

«Молодой директор Линь» лишь вздохнул и махнул рукой — пусть делает что хочет. В конце концов, брат никогда не скажет ему и грубого слова, а вот остальным пощады ждать не стоит.

Долгая дорога и ночной перелет оставили след на лице Линь Суцзюня; он сидел на диване, прикрыв глаза. Увидев это, Линь Суе мгновенно забыл обо всех своих терзаниях и поспешил к нему:

— Брат, тебе нехорошо? Может, в больницу?

Линь Суцзюнь просто был крайне истощен. Открыв глаза, он первым делом заметил неестественно алые губы брата. Проследив за ироничным взглядом Цзян Вэйчжи и увидев вошедшего следом Шэнь Хуэйцы, он мгновенно восстановил картину событий.

Линь Суцзюнь: «...»

Линь Суе, не замечая тишины, продолжал суетиться:

— Брат? Ты плохо себя чувствуешь? Поедем к врачу?

— Всё в порядке, — Линь Суцзюнь мягко перехватил запястье брата и неожиданно добавил: — Уже поздно. Пусть учитель Шэнь останется на ужин.

Движения Линь Суе странным образом замерли.

— О-о... — сухо выдавил он.

Цзян Вэйчжи отлично готовил. Вечером он вызвался встать у плиты, а Линь Сун пошел помогать. Линь Суцзюнь тем временем пригласил Шэнь Хуэйцы в сад для «непринужденной беседы».

После недавней бури сад выглядел печально. Садовник успел лишь убрать сломанные ветки, но не успел высадить ничего нового, поэтому повсюду царил запустение.

— Давно не виделись, учитель Шэнь, — Линь Суцзюнь улыбнулся своей обычной мягкой улыбкой.

— Да, прошло какое-то время.

— Я не хочу ходить вокруг да около, поэтому скажу прямо, — Линь Суцзюнь внимательно посмотрел на собеседника.

Шэнь Хуэйцы выпрямился:

— Слушаю.

— А-Е — мой самый дорогой человек. Я хочу, чтобы ты относился к нему со всей душой.

Шэнь Хуэйцы замер. Он ожидал, что, учитывая привязанность Линь Суцзюня к брату, этот этап будет самым сложным. Линь Суцзюнь словно прочел его мысли и продолжил:

— А-Е с детства пришлось нелегко. Он взял на себя слишком много моих тягот. Поэтому, как бы я ни любил его, мне всегда кажется, что этого недостаточно. Я хочу, чтобы он был счастлив. Просто счастлив. Мне всё равно, кто станет его избранником — богат он или нет, как выглядит... У меня лишь одно требование: искренняя любовь.

Он сделал паузу.

— Надеюсь, ты не сочтешь меня эгоистом. А-Е — замечательный ребенок, и рядом с ним ты тоже будешь счастлив.

Казалось, у Линь Сун был врожденный талант приносить людям радость — будь то Мо Гуаньци, Цзян Вэйчжи или сотрудники компании. Каждый рядом с ним расцветал. Именно поэтому Линь Суцзюнь боялся, что брат не получит такой же отдачи. Недавний скандал в сети стал тому подтверждением.

— Обещаю, — серьезно произнес Шэнь Хуэйцы. — Он будет счастлив.

— Я вижу, что сейчас ты действительно любишь его, поэтому не стану мешать, — Линь Суцзюнь на мгновение замолк. — Не знаю, в какой день я могу внезапно оставить его... Но если ты когда-нибудь предашь его чувства, то даже с того света я найду способ тебя наказать.

Разговор принял слишком тяжелый оборот. Шэнь Хуэйцы расправил плечи; его темные глаза светились непоколебимой решимостью.

— Клянусь. Я люблю его и буду любить только его. Всю жизнь. Можете не сомневаться, брат.

Мрачное настроение Линь Суцзюня немного рассеялось, и он усмехнулся:

— Кто это тебе брат? Ну и наглец.

***

На кухне Цзян Вэйчжи, нарезаая грибы, невзначай спросил:

— Решился?

— Еще нет, — Линь Суе перебирал зелень. — Не хватает самой малости.

— Понятно, — кивнул дизайнер. — В ближайшее время я никуда не уеду.

— Это еще зачем?

Цзян Вэйчжи бросил на него загадочный взгляд:

— Буду за ним присматривать.

Линь Суе: «...»

— У меня что, совсем вкуса нет? Если он окажется не тем, я его и на шаг не подпущу.

— Я знаю, — беспечно бросил Цзян. — Но это не значит, что я спокоен. К тому же... скоро твой день рождения, балда. Я бы и без него никуда не уехал.

Линь Суе заглянул в календарь. Восьмое мая. До его двадцатилетия оставалось полмесяца. Он тут же придвинулся ближе:

— Малыш Вэйчжи...

— Так, стоп, — рассмеялся Цзян Вэйчжи, отстраняя его. — Лучше заколи мне волосы, а то в глаза лезут.

— Сейчас.

***

К тому времени, как ужин был готов, на город опустились сумерки. Мо Гуаньци, застрявший на съемках в Городе Ган, узнав о возвращении друзей, настоял на видеосвязи, чтобы устроить «виртуальный банкет». Он никак не ожидал, что первым делом увидит лицо Шэнь Хуэйцы.

Актер буквально взвизгнул:

— Мамочки мои!

Увидеть Шэнь Хуэйцы, отвечающего на звонок А-Е, было страшнее любого фильма ужасов. Но «киноимператор» даже не удостоил его ответом — просто установил планшет на столе и сел на свое место.

— Добрый вечер, Гуаньци, — улыбнулся Линь Суе.

Мо Гуаньци долго не мог вымолвить ни слова. Еще тогда, когда Шэнь Хуэйцы пытался у него адрес, он догадывался, что тот может продвинуться далеко... Но чтобы настолько! Пробраться в дом, пока его нет!

— Добрый вечер, А-Е... брат Цзюнь... малыш Вэйчжи, — он говорил изможденным голосом, намеренно игнорируя одного из присутствующих.

Шэнь Хуэйцы было всё равно — он увлеченно подкладывал еду в тарелку Линь Суе.

Впрочем, Мо Гуаньци не умел долго дуться. Вскоре он уже вовсю распекал Хо Хэна и поносил Ань Ци за неблагодарность. Выпустив пар, он оживился и начал обсуждать, как праздновать день рождения Линь Суе.

— Да еще рано, — заметил виновник торжества.

— Как это рано? Всего полмесяца осталось!

— Действительно, пора начинать, — поддержал Цзян Вэйчжи.

996, усевшись на край супницы с ароматным грибным бульоном, пыталось «отхлебнуть» немного, но, будучи электронным шаром, могло лишь вдыхать запах. Глядя на шумное застолье, его маленькое цифровое сердце наполнялось теплом. За этим столом собрались семья Носителя, его лучшие друзья и будущий возлюбленный. Все они с любовью планировали его праздник. Больше он никогда не будет тем одиноким героем, который проводит свой день рождения в пустом доме.

***

После ужина Шэнь Хуэйцы, сославшись на поздний час, благополучно остался на ночлег и, пользуясь своим недюжинным упрямством, перед сном проскользнул в комнату Линь Сие. Тот уже начал задумываться, не слишком ли много он ему позволяет, но стоило ему открыть рот, как Шэнь Хуэйцы крепко обнял его.

— Что это ты делаешь? — удивился Линь Сие.

— Сяо Е, — его голос звучал глухо и печально. — Поцелуй меня, а?

— Это еще зачем?

Шэнь Хуэйцы поднял на него глаза, в которых читалась тоска брошенного котенка:

— В семье Шэнь у меня никогда такого не было. Там за столом запрещалось разговаривать... Там никогда не было так... тепло.

Сердце Линь Сие дрогнуло. Поколебавшись, он поцеловал его в лоб.

Шэнь Хуэйцы подался ближе:

— Можно еще раз? — он указал на губы. — Сюда.

— Не наглей...

— Сяо Е, ты же знаешь, я с детства не знал домашнего тепла. Меня никто не любил, все относились ко мне плохо... Только ты принял меня.

Линь Сие обреченно вздохнул и прикрыл глаза, легонько коснувшись его губ. «Жертва обстоятельств» тут же преобразилась: он принялся целовать его снова и снова, пока в тишине комнаты не воцарились интимные звуки, а губы Линь Сие вновь не припухли.

Линь Сие понимал, что его в очередной раз обвели вокруг пальца, но Шэнь Хуэйцы, повалив его

на диван, сиял от искреннего счастья. Ладно уж, он лишь вздохнул и позволил ему это маленькое торжество.

— Сяо Е.

Шэнь Хуэйцы обнимал его за талию, положив голову ему на живот и прислушиваясь к дыханию. Это была очень уютная, домашняя поза. Линь Суе начало клонить в сон.

«М-м?» — отозвался он.

Шэнь Хуэйцы не ответил, лишь глубже вдохнул запах его кожи. Этот привычный аромат геля для душа теперь казался ему воплощением домашнего очага, словно он купался в лучах мягкого солнца. Ощущение тепла, исходящее от Линь Суе, становилось всё сильнее. Он не лгал за столом — та атмосфера была для него в новинку.

Линь Суцзюнь был прав: быть рядом с Линь Суе — значит быть рядом со счастьем. И Шэнь Хуэйцы сделает всё, чтобы это счастье длилось вечно.

— Сяо Е, можно мне сегодня не уходить?

— ...Нет.

— Но ты же знаешь, в семье Шэнь...

— Замолчи.

— Сяо Е...

— Десять минут на душ. Иначе вылетишь отсюда.

<http://bllate.org/book/16112/1587335>